

Структуры и сумбуры

Кенни Гарретт в Москве

газета - 2006 - 24 июля -
с. 19

Григорий Дурново

На празднование своего восьмилетия Le Club пригласил одного из ярчайших музыкантов джазового мейнстрима — саксофониста Кенни Гарретта. В магистральных направлениях американского джаза, корни которых — в бибопе сороковых годов, сегодня хватает успешных и заметных фигур. Именно эти последователи старых боепов вызывают наибольший скепсис у поклонников старого доброго джаза: дескать, профессионализм и виртуозность для нынешних звезд важнее, чем собственно творчество. Однако как раз Кенни Гарретт — из тех, кто вдыхает жизнь в приевшиеся музыкальные схемы.

В самом деле, у Гарретта, наверное, лучшая джазовая школа, какую можно себе представить: он выступал и записывался с Майлзом Дэйвисом и барабанщиком Артом Блэйки. Следы влияния

этих великих учителей были хорошо заметны в выступлении саксофониста — может быть, не столько в технике или стилистике исполнения, сколько в открытости миру и духовной свободе, как бы торжественно это ни звучало. Впрочем, если говорить о свободе, нельзя не вспомнить Джона Колтрейна, музыке которого саксофонист посвятил альбом 1996 года.

Концерт начался почти получасовой композицией, где влияние Колтрейна угадывалось моментально. Гарретт поступил очень просто: представим себе традиционную структуру заводной джазовой пьесы, уместной в начале или финале обычного вечера в Le Club. Краткое изложение темы, длинное соло лидера ансамбля, затем не менее выдающееся, но менее длинное соло пианиста, далее несколько нот играют все вместе, после чего предлагается самоотверженное соло контрабаса и, нако-

нец, не очень продолжительная дуэль между лидером и барабанщиком. Все это в точности воспроизвели Гарретт и его квартет; однако сами импровизации были сыграны с таким напором, близким к авангардному джазу, что музыка воспринималась как настоящее откровение — хотя ничего нового по сравнению с квартетом Колтрейна саксофонист и его молодые товарищи не показали. Точно так же был скроен и номер, открывавший второе отделение.

После этих пьес оба отделения показали несколько скомканных. Многие музыканты стараются строить программу на контрастах, но у Гарретта получился совсем уж пестрый набор. В некоторых композициях был отчетливо слышен фанк, усугублявшийся обильным синтезаторным звучанием (синтезаторов имелось целых два: за один пересаживался пианист Бенито Гонсалес, а на другом время

от времени поигрывал сам Кенни). Саксофонист также старался завести публику с помощью рэпа, однако реакцией зала явно был неудовлетворен. За бодрым, но не слишком выразительным произведением с обилием электроники шел трогательный дуэт саксофона и рояля — поппури из двух японских и одной корейской песни. Особенно удивил краткий номер, завершивший первое отделение: участники квартета, казалось, только набрали обороты, но вдруг Гарретт резко оборвал их игру, иронично процитировал гершвиновскую композицию «I Got Rhythm» и удалился. Второе отделение также закончилось почти внезапно, бисов публика не дождалась. И все-таки, несмотря на сумбуризм, в выступлении Гарретта можно было почувствовать вольный и раскованный дух, унаследованный им от ушедшего поколения джазменов.

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

Кенни Гарретт и его товарищи не показали ничего принципиально нового, но их игра воспринималась как настоящее откровение